

УДК 398.7; ББК 82.3 (2); DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.203

А. А. Лазарева

ЭМОЦИИ КАК ОБЪЕКТ ТОЛКОВАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ РАССКАЗАХ О ВЕЩИХ СНАХ

Говоря о народном толковании сновидений, мы обычно подразумеваем традицию «разгадывания» визуальных образов сна. По-видимому, это связано с тем, что изучение славянской традиции толкования снов начиналось с записи отвлеченных правил интерпретации сна, построенных по принципу «если снится X — будет Y». Совокупность этих формул (или «минимальных текстов снотолкования» — термин С. Небжеговской¹) была названа исследователями «устным сонником». В качестве объектов интерпретации в «устном соннике» (как и в письменных сонниках, по образцу которых исследователи организовывали корпус записанных толкований) чаще всего выступали предметы, «имеющие определенный внешний вид, которые можно нарисовать», — как их определяла С. Небжеговска². Основной задачей, стоявшей перед исследователем, было объяснить, как между собой соотносятся образ и его толкование³. В последние годы интерес ученых сместился в сторону устройства рассказов о вещих снах, «механизмов» и логики интерпретации конкретного сна. Исследователям, занимающимся этой проблемой, стало очевидно, что толкование сновидения не исчерпывается «минимальным текстом снотолкования»⁴. Так, М. Л. Лурье, споря с С. Небжеговской, пишет, что интерпрети-

¹ Небжеговска С. Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение 1994. № 5. С. 67.

² Небжеговска С. Сонник... С. 68.

³ Небжеговска С. Сонник... С. 69; Толстой Н. И. Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон — семиотическое окно: сновидение и событие, сновидение и искусство, сновидение и текст. М., 1993. С. 90.

⁴ Лурье М. Л., Черешня А. В. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ / Ред.-сост. М. Л. Лурье. СПб., 2000. С. 275–280; Лурье М. Л. Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 26–43; Неклюдов С. Ю., Христофорова О. Б. Предисловие // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 5–8; Лазарева А. А. Выпавший зуб, упавший потолок и другие онирические сюжеты в рамках традиционных моделей толкования сновидений // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 89–103.

© С.-Петербург. гос. ун-т, 2016; © А. А. Лазарева, 2016

роваться могут не только визуальные образы, «предметы», но и другие детали сюжета сна (например, количество предметов, взаимоотношения между ними и т. д.), в частности, эмоции сновидца⁵. А. В. Гура в своей энциклопедической обзорной статье о народном соннике приводит перечень возможных объектов интерпретации «сонника» (предметы, действия, лица, события), среди которых называет эмоциональное состояние сновидца⁶. Несмотря на то, что эмоции, сопровождающие сюжет сновидения, выделяются исследователями как объект интерпретации, в российской фольклористике нет работ, где бы подробно рассматривалось их значение при толковании сна.

Целью данной статьи является анализ рассказов о вещих снах, в которых важное место занимает описание эмоций, испытанных сновидцем во время сна и (или) после пробуждения. Материалом для анализа послужили данные полевых исследований, проведенных в Полтавской области (г. Миргород, с. Любивщина, с. Зубовка, 2012, 2013, 2015, 2016 гг.) — корпус нарративов, записанных в ходе глубинных интервью, а также опроса. Помимо этого мною были использованы данные архива кафедры устного народного творчества МГУ по российским областям и тексты, приведенные в опубликованных источниках⁷.

В «устном соннике» можно встретить два альтернативных варианта интерпретации эмоций сновидца. С одной стороны, существует широко распространенное у восточных славян толкование «радость снится к слезам, а слезы — к радости»⁸:

Єслі радуєшся або смієшся — к слезам.

Соб.: А если плачешь?

Радуватися будеш (Ксенз Нина Ильинична, 1948 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2013 г.);

Приятні отакі сні, вони ніколи приємними не бувають. Ніколи. Це не тільки я це замічала, це часто всі кажуть, що якщо приємний сон сниться то це не до добра (Купка Светлана Ивановна, 1959 г. р., с. Зубовка (Миргородский р-н, Полтавская обл.), высш. образ., зап. в с. Зубовка, 2015 г.).

С другой стороны, «беспокойные сны» и кошмары трактуются как «плохие», в противоположность снам, вызывающим приятные эмоции:

К плохому снятся беспокойные сны, полные негативных эмоций, к хорошему — сны, вызывающие приятные эмоции (Наталья, 1969 г. р., г. Краматорск (Донецкая обл.), зап. в г. Миргород, 2013 г.);

⁵ Лурье М. Л. Вещие сны... С. 26–43.

⁶ Гура А. В. Сонник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 123.

⁷ Романов Е. Р. Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 54–72; Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкователя (Минской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 139–149; Никифоровский Н. Я. Материалы для народного снотолкователя. (Витебской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 133–139; Якушкина Е. И. Народный сонник из Каргополя // Живая старина 1999. № 2. С. 29–30; Трушкина Н. Ю. Рассказы о снах // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 143–170.

⁸ Гура А. В. 1) Снотолковательная традиция полесского села Речица // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 77; 2) Сонник... С. 124; Ляцкий Е. Материалы... С. 144–145; Романов Е. Р. Опыт белорусского... С. 62–63.

К плохому всегда снится неясная погода или страх какой-то перенести (Нигматулина Дария Сергеевна, 1927 г. р., Веселый Подол (Полтавская обл.), высш. образ., зап. в г. Миргород, 2013 г.).

В статье будет сделана попытка выявить особенности обоих вариантов толкования, опираясь на нарративы о вещих снах.

Многие информанты, рассказывая о вещих снах, говорили и о своих предчувствиях в дневное время: ощущениях беспричинной тревоги, необъяснимого желания что-то сделать (что впоследствии оказывалось очень своевременным). Например, женщина, рассказывавшая о вещем сне, предвещавшем смерть ее папы, описала и свое душевное состояние незадолго до того момента, как ей сообщили об этом:

Сесія, державні іспити-то, державні іспити починається, і ми пішли на зустріч [...] С подругою ідем [...] сидимо в аудиторії з Леною [...] Стук у аудиторію. А мене так, як депануло [...] Лена каже: «Ти чого?». А я кажу: «Щось мені так нехорошо, чогось мені так тривожно». [...] Я виходжу [із аудиторії], там прийшла хазяйчина дочка⁹ [...] і держить телеграму. Кажу: «Що там?». А, Соня її звать. — Соня, що там? А вона кажить: «Дивися шо». Папа вмер (Купка Светлана Ивановна, 1959 г. р., с. Зубовка (Миргородский р-н, Полтавская обл.), высш. образ., зап. в с. Зубовка, 2015 г.).

Обобщая ответы информантов, можно сказать, что предчувствие заключается в том, что человек чувствует себя (или) поступает так, как будто уже знает о событии, которое еще не произошло, или о котором у него не может быть сведений. Таким образом, эмоции (и шире — ощущения, мысли) могут сами по себе выступать как предвестники событий. Судя по рассказам информантов, которые, отвечая на вопрос «А бывали ли у Вас вещие сны?», упоминали также и о своих предчувствиях — и то, и другое часто понимается респондентами как явления одного порядка. Кроме того, некоторые из опрошенных рассказывали не о сюжете сновидения, а об ощущении беспричинной тревоги ночью и плохом сне, которые предшествовали негативным событиям на следующий день:

Я, например, если у меня такое событие очень сложное, я просыпаюсь рано утром, в четыре. Я понимаю, что что-то где-то происходит с кем-то. Я сразу вижу этого человека, ощущаю его (Стась Наталья Ивановна, ок. 50 лет, высш. образ., зап. в г. Миргород, 2013 г.);

*Ну работа у нас тоже тревожная, такая¹⁰. И одно время у нас, в школі була така завуч, которая очень любила посещать уроки мої і... [смех]. **От как я тривожно провожу ночь** (це не обязательно один и тот же сон, но вот **что-то мне тривожило цілу ноч, може даже це без сна**) — я точно сажусь в маршрутку і їду в школу, я знаю вона прийде на урок [смех]. І оце вже... думаю отак **у мене тривога**, і я отак же все, підготувалась, все, **і воно так сбивається**: вона приходе на урок. Я вже начала прінимать успокоїтельное, чтобы не тривожно проводить ночь. Наверно, шо то таме єсть (Юхименко Галина Дмитриевна, 1967 г. р., г. Миргород, высш. образ., зап. в г. Миргород, 2015 г.);*

⁹ Дочь женщины, у которой информантка снимала квартиру.

¹⁰ Информантка работает учителем в школе.

Мне вот после родительского собрания (четыре раза в год мы проводим родительское собрание, а то и чаще). И если я прихожу домой (замечаю это последние 8–9 лет): провела родительское собрание — и мне хорошо, душевно тепло ночью, и никаких кошмаров — значит все хорошо, благополучно, родители [нрзб] удалось, и родители тоже ж удовлетворенные пришли домой после собрания. Но если у меня тревога какая-то, что-то я ночью часто встаю, переворачиваюсь — отождать беды. Что-то они обсудили, родители, и ждать дня два-три — будут комментарии после собрания.

Соб.: То есть, Вы больше ориентируетесь на какие-то эмоции во сне и какие-то чувства, а не на образы, которые снятся?

Да. Или не запоминаю их, как-то так. Такое, чтобы встать и пересказать сон — бывает очень редко. Ты встаешь — или хорошо тебе, или ты [нрзб] этим слегка. Понимаешь? Вот как-то так (Манжос Людмила Михайловна, 1975 г. р., с. Шишаки (Хорольский р-н. Полтавской области), высш. образ., зап. в г. Миргород, 2015 г.).

В этих случаях сюжет сна неважен, он забывается, первоначально само по себе ощущение тревоги, возникающее после пробуждения: что-то мне тревожило цілу ноч, може даже це без сна. Сравним эти рассказы со следующим нарративом:

Приснився мені сон, протів неділі сниться. Ну як, в селі у нас бабушка була лежача, а тьотя ходила, робила до посліднього дня. Я ж тут у городі була. Тут протів неділі [в воскресенье] сниться мені сон, що покійна тьотя померла. І це сниться до дванадцяти, я схвачиваюсь, кричу. Тіки лягла, знову сниться, що тьотя померла, встаю, кричу. Вже дванадцять, вийшла на двір, мене трусе всю. Но це я думаю, що бабуся, бо у нас бабуся лежача була, що щось з бабусею. Вийшла, походила-походила, лягла. Тільки лягла [снится] — тітка вмерла. Я як закричу серед хати, то вже три часа, я вийшла на двір, і вже я боялась і в хату йти: бо тільки ляжу сниться що вмерла. У три часа я ходила, до пів шостого я ходила. На дворі, я вже не заходила в хату. Зайшла в хату, думаю: «Ну хоть трошки приляжу», — бо я їхати в село збиралась. Тільки прилягла — покійна тітка¹¹. Я вже встала і бігом на автобус, приїжджаю в село: покійна мама стоїть у сльозах на автобусі. — Шо таке? — Тітку одвезли учора з роботи у больницу. — О Боже! А мені снилося що вона вмерла. А там стоїть така: «Якщо в неділю сон приснився — він не збувається, значить не вмере». І я їду в ту больницу, я як гляну на неї, вона вот така за дві неділі зробилася, температура 39. І так вона з температурой 39,8 пролежала чотири місяці, ну і вона померла. Снилось у неділю, а кажуть, що в неділю не збувається і снилось, що вмерла — кажуть, довго житиме. На роботі розказала — кажуть: «Значить не вмере, довго житиме, та ще і в неділю, в неділю сні не збуваються, вони до обіду. І вот так дещо погане, а хороше не збудеться (Мария, ок. 60 лет, зап. в г. Миргород, 2013 г.).

Данный рассказ напоминает первые нарративы, в которых описание сюжета сна опущено: важно только то, что сновидица просыпалась ночью с ощущением тревоги: ср. *отак у мене тревога [...] і воно так сбивається* (т. е. чувство тревоги выступает как предвестник). Женщина не столько пересказывает сон, сколько подробно описывает эмоциональную реакцию, которую он у нее вызвал: говорит о том, что много раз просы-

¹¹ «Покійна» — на момент разговора с собирателем, когда этот сон снился, тетя информантки была жива.

палась за ночь, красочно описывает, как кричала во сне и боялась снова заснуть. Хотя сам сюжет сна, с точки зрения традиционной культуры, может интерпретироваться: 1) как неважный: информантка несколько раз подчеркивает, что сон ей приснился в воскресенье — день, в который сны не сбываются: *Якщо в неділю сон приснився — він не збувається*; 2) как означающий противоположное: *снилось що вмерла — кажуть, довго житиме*, рассказчица изначально истолковала этот сон как значимый и как плохой: когда она еще не знала о болезни своей тети, женщина подумала, что сон предвещает смерть ее бабушки: *Но це я думаю, що бабуся, бо у нас бабуся лежача була, що щось з бабусяю; в селі у нас бабушка була лежача, а тетья ходила, робила до посліднього дня*. Мы видим, что первоначальная интерпретация этого сна не соответствует правилам «устного сонника», предполагающим два варианта истолкования такого сюжета: 1) либо «к смерти» человека, который приснился умершим (а не кого-либо другого) — принцип тождества; 2) либо, наоборот, к его долгой жизни — обратное толкование. Подобную интерпретацию можно понять, лишь принимая во внимание эмоции и чувства, которые были вызваны сновидением. Сравнивая этот рассказ с нарративами о предчувствиях, можно сказать, что тревожное состояние и плохой сон сами по себе «предвещают» нехорошее событие, а сюжет сна, в котором умирает тетя, указывает на то, что этим событием будет смерть кого-то из близких.

Рассмотрим другой пример. Информантка рассказывает о своей личной примете: *Як оце тільки сняться корови пасу — обов'язково захворію* (Купка Светлана Ивановна, 1959 г. р., с. Zubovka, Миргородский р-н, Полтавская обл., высш. образ., зап. в с. Zubovka, 2015 г.). Такое толкование образа коровы можно назвать традиционным — во время интервью его повторяли и другие респонденты: *Корова сняться — це погано, к болезні* (Пронька Екатерина Александровна, 1953 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2012 г.); *Корова снятся — к болезні* (Раиса, ок. 50 лет, Харьковская обл., зап. в г. Миргород, 2013 г.); *Скот (лошади, коровы) мне всегда снятся к болезні* (Жижка Галина Николаевна, 1952 г. р., Полтавская обл., средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2012 г.); *Вот мне когда мясо приснится, обязательно болезнь, заболеваю. И корова если приснится, лошадь — тоже заболеваю* (Надежда, 1948 г. р., Ковалевский р-н., Полтавской обл., зап. в г. Миргород, 2013 г.), см. также формулу *корова — буде хвороба* (укр., белорусск. ‘болезнь’), записанную в гомельской области¹².

В ходе интервью женщина пересказывает сюжеты снов, в которых она пасла коров:

Корови пасу, але ж сюжет різний: буває сюди до села корови перегоню, буває дальше, и там тоді сняться. І хати там у нас є, колись раніше же були, я ж це ж уже я давно ті корови пасу, з дѣтства — ну іменно там де я пасла їх з дѣтства, але вже тепер взрослою пасу ті корови...

Соб.: То есть, все-таки Вам в одном месте снится?

Да, там де колись я пасла;

І я згадала ще один такий сон. Туди куди ми ганяєм коров пасти там, до річки. Там є міст такий, раніше тут [нрзб] вода, і сняться мені, що я зі своїм зятем, іду таке як пасти ж корови, чи туди на ту толоку [выгон] хочу я перейти, а там вода така. Такий міст вродє, і я коло того моста поки була... а тоді дивлюся — вода стала каламутна така і дали дощок немає, [нрзб] отакі, і я вродє пливу вже, с того моста вже не на

¹² Толстой Н. И. Славянские народные толкования снов... С. 90.

той берег, а на цей же, де ми живимо, не до коров же сюди, і зо мною ще і зять. І я кажу: «Вітя, ти вмієш плавати? Де ти взявся?» — вродє ж його не було коло мене. А він каже: «Та я слабенько, но я плаваю, не беспокойтеся». І вродє вода така каламутна, грязна, і я так переживаю поки я до берега... І ми обої похворіли. І він захворів — у нього давление високе, попав у лікарню, і я захворіла;

Повторення сна, який снівся... оце за корови, шо пасу. Оце снівся він не знаю скільки раз, може і десять раз снівся отакий сон. Сниться и снится: то з чоловіком з її, Раї [Рая — подруга інформантки], то з Раєю пасу, то сама пасу корови, то не заверну, то ще якісь люди і я там ходжу по таких ямах, ото корови.

Рассмотрим продолжение интервью:

Соб.: А вот коровы, которых Вы видите во сне, они всегда одинаковые, да?

Не, вони... корови некрасиві, ті, шо сняться. Вони різні, але худі такі корови, не впитані [не упитанные]. Знаєте, як корова така сита, така хороша. А то такі, стратні корови всегда сняться.

Соб.: То есть, всегда Вам снятся какие-то плохие коровы?

Погані такі якісь корови — ото я їх усе пасу. Все я їх пасу, не могу догнати їх.

Соб.: А чтобы снились какие-то красивые коровы: сытые, ухоженные? Такого не бывало?

Не було, не було. Ото як пасу так таких, усяких, і всі вони такі худі и маленькі.

Соб.: Они как бы убегают?

Убігають, убігають, і я ото за ними ганяюся там, ото пасу, то вони кудись зайшли десь на огороди зайшли, то кудись пішли, я їх ніяк не заверну, не нажену — отак сниться.

Соб.: То есть, во сне Вы испытываете какую-то тревогу?

Да. Тревога така. Постійна така тревога (Купка Светлана Ивановна, 1959 г. р., с. Зубовка, Миргородский р-н, Полтавская обл., высш. образ., зап. в с. Зубовка, 2015 г.).

Мы видим, что, хотя ответ информантки сформулирован скорее как личная примета (Як оце тільки сняться корови пасу — обов'язково захворію), речь идет не об отдельном образе, предвещающем во сне болезнь, а о целой совокупности мотивов:

1) сновидица пасет коров там, где пасла их в детстве;

2) коровы худые, некрасивые: погані, худі, маленькі, некрасиві, стратні корови всегда сняться;

3) коровы убегают от сновидицы, она не может перегнать их на нужное место: не могу догнати їх; ото за ними ганяюся; то вони кудись зайшли десь на огороди зайшли, то кудись пішли, я їх ніяк не заверну, не нажену;

4) на ее пути возникают препятствия: земля покрыта ямами (і я там ходжу по таких ямах); мост, через который хочет перейти сновидица, сломан, ей приходится плыть по грязной воде (на ту толоку [выгон] хочу я перейти, а там вода така).

Таким образом, при толковании сна важны многие детали: худоба коров, то, что они убегали от сновидицы, и другие негативные символы: сломанный мост, грязная вода, ямы. Но главное, на мой взгляд, это то, что сюжет сна воспроизводит детские воспоминания рассказчицы (давно ті корови пасу, з детства — ну іменно там де я пасла їх з детства, але вже тепер взрослою пасу ті корови). Можно предположить, что пасти коров было тяжелой работой для ребенка. По-видимому, респондентка переживала в

детстве, как бы коровы не разбежались, не зашли на чужой огород. И в своих сновидениях она снова возвращается в эту ситуацию, испытывая тревогу и фрустрацию (*я так переживаю; постійна така тревога*), — чувства, которые можно назвать лейтмотивом этих снов. Мы видим, что образ коровы представлен не как абстрактный символ, требующий «расшифровки» — он связан с личными переживаниями рассказчицы.

Несмотря на то, что рассказчица говорит *корови пасу, але ж сюжет різний*, ориентируясь на ее ответы, мы видим, что разница между сюжетами снов, в которых она пасет коров, несущественная.

1) Респондентке всегда снится, что она пасет коров в своем селе *іменно там де я пасла їх з дитства*, но это не какое-то конкретное место *буває так сюди до села корови перегоню, буває дальше; в різних кутках пасу ті корови*.

2) В одном сне в качестве препятствия возникают ямы, в другом — грязная вода (что связано с первым пунктом — местностью, которую рассказчица видит во сне). Иногда препятствий как таковых нет.

3) Иногда сон бывает длинным, изобилует деталями, иногда — коротким и мимолетным (*Ото якщо то ями там, ідуть корови, я дуже довго ходжу там — тоді вже довго захворію, а як отак [нрзб] шо пасу, то так — може ні*).

4) Женщине может сниться, что она сама пасет коров, либо с другим человеком: *то з чоловіком з її, Раї, то з Раєю пасу, то сама пасу корови; то ще якісь люди*. В последнем случае, по словам информантки, сон предвещает болезнь того, кто ей приснился: *і сниться мені, шо я зі своїм зятем, іду таке як пасти ж корови [...] і ми обої похворіли*.

См. также:

А колись цікаво, подзвонила і кажу: «Раю, не з тобою пасла, а з твоїм чоловіком» [...] може воно пройшло місяць після того, а може і більше, вона каже: «Слухай, та Олексій же захворів мій»;

А буває так шо приснилося, розкажую — я не захворіла, а Рая захворіла (моя подруга).

Соб.: То есть Вам приснились коровы к ее болезни?

Да. Шо ми з нею пасемо. То я не захворіла, а вона захворіла (Купка Светлана Ивановна, 1959 г. р., с. Зубовка, Миргородский р-н, Полтавская обл., высш. образ., зап. в с. Зубовка, 2015 г.).

Все эти детали важны для рассказчицы, поскольку по ним она судит, будет ли болезнь тяжелой, заболит она сама или кто-то другой. Поэтому сновидица в первую очередь обращает внимание на различия, особенности каждого отдельного сна. Однако, сравнивая рассказы о сновидениях, в которых информантка пасла коров, мы видим, что ядро сюжета и чувства, которые вызывает сон, остаются неизменными.

В связи с этим интересно отметить, что многие опрошенные формулируют правила толкования снов как свои «личные приметы» (иногда также ссылаясь на «приметы» членов семьи и друзей):

Вот мне, например, и моей маме лошадь всегда снится к болезни: если я вижу лошадь или еду верхом на ней. А другим людям, наоборот, лошадь снится к удаче. Я не знаю, почему так. Я очень люблю лошадей. Может быть, таким образом это животное меня предупреждает (Палец Наталья Леонтьевна, ок. 40 лет, высш. образ., зап. в г. Миргород, 2012 г.);

Єслі собака сниться — це обов'язково буде хвороба якась, це із своєї практики я знаю. Хоть кажуть: «Це друг». А для мене — нет. Єслі вона на мене нападає, гавкає,

не дай бог укусить — то це вообщє болезнь, для мене і для рідних (Ж. ок. 50 лет., зап. в г. Миргород, 2013 г.);

Знакомий один колись казав: «Вот если мне виши сняться — это обязательно кто-то отдаст мне долг» (Жсенз Нина Ильинична, 1948 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2013 г.).

Как правило, эти толкования не расходятся с «устным сонником» (например, *виши* — к деньгам, *лошадь* — к болезни — очень распространенные толкования). Во всяком случае, «личные приметы» никогда не противоречат основным принципам традиционного толкования снов: например, «собака — к болезни» укладывается в общую модель «агрессивное (нападающее) животное — к болезни», см. уточнения информантки (*если вона на мене нападає, гавкає, не дай бог укусить*). Тем не менее, опрашиваемые осмысливают эти толкования как свои личные, отличающиеся от «примет» других людей. На примере глубинного интервью, мы видим, что для лучшего понимания «личных примет» (а в широком смысле — и всего так называемого «устного сонника», который они образуют) необходимо фиксировать подробные пересказы снов, в которых появляется указанный образ. Иначе остается неизвестным, в каких случаях респонденты, говорившие о «личных приметах» подразумевали отдельный повторяющийся образ-символ, а в каких — повторяющийся сюжет, связанный с одним и тем же образом. Это важно, поскольку, как мы видели на предыдущем примере, толкование целого сюжета может быть основано не столько на символике конкретных образов, сколько на вызываемом им эмоциональным состоянием.

К сожалению, у исследователя не всегда имеется возможность провести длительное интервью. Когда опрос ограничен по времени или проводится на улице, многие детали, важные для понимания интерпретации сна, упускаются. Помимо этого, не все опрашиваемые охотно и открыто отвечают на вопросы собирателя (что связано как с нежеланием информанта говорить о чем-то личном, невозможностью вспомнить сюжет сна, так и с религиозными и культурными запретами на рассказывание сновидений). Стоит добавить, что поскольку ранние исследователи народной традиции толкования снов (Е. Р. Романов, Е. Ляцкий, Н. Я. Никифоровский, а позднее С. Небжеговска и Н. И. Толстой) были сосредоточены на записи «устного сонника», а не на анализе устройства нарративов и «механизмов» толкования конкретных снов, такое упущение имело место постоянно, что привело к довольно одностороннему пониманию реальной практики толкования сновидений.

Несмотря на то, что эмоции в сновидениях соотносятся с чем-то глубоко личным и индивидуальным, сны об определенных образах и ситуациях могут вызывать сходные чувства у разных людей. Например, типичный сюжет сна, в котором человек обнаруживает себя голым в присутствии посторонних (обычно незнакомых людей, которые как будто не замечают его непристойного вида) и ощущает стыд, был описан еще Фрейдом¹³. Народное толкование этого сюжета — «к позору», «к неприятностям», вероятно, обусловлено неприятными эмоциями и чувством стыда, которые обычно сопровождают подобный сон:

Ой, если ходити голым, то буде тобі якийсь позор. Ну як позор... Хтось тобі буде шось казати, і тобі буде просто неприємно (Гончар Ольга Петровна, 1939 г. р., г. Ивано-Франковск, высш. образ., зап. в г. Миргород, 2012 г.);

¹³ Фрейд З. Толкование сновидений. СПб., 2004. С. 225–226.

Ну уяви собі: толпа людей, і тиїдеш гола — **якти себе чувствуєш? Оце шось буде в житні такє** — **шо-то довольно неприятне**. Приятного нічого не буде. Не болєзнь, нічого — якїсь неприятности, житєйскї якїсь негаразди (Ксенз Нина Ильинична, 1948 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2013 г.).

Еще одним примером такого сюжета является сон о выпадении зуба, который в народной культуре толкуется как предвестник смерти родственника/друга/знакомого (см. подробный анализ нарративов о вещих снах с таким сюжетом в другой моей статье¹⁴). Помимо визуальной символики (выпадение зуба как «выпадение» человека из круга «живых»), мы наблюдаем здесь и тождество эмоционального состояния во сне и наяву: человеку неприятно, больно, он ощущает потерю. Боль и чувство сожаления об утрате зуба являются важными критериями при толковании такого сна:

Говоря, зуб выдерне — дак ково-то родного потеряешь. **Если жалиешь, ли кров — дак кровного, а если крови нет, да не жалко — дак чужой, посторонний** (каргопольск.)¹⁵;

Вот мне однажды приснилось. Вот у меня выпало много зубов, и мне их **не больно и не жалко**, а один зуб — и кровь маленько и **вроде жалковато**, и не сильно больно, а **жалковато**. И через месяц мне этот сон сбьлся (или через два): Михаил Якушкин умер и еще человека два — вот и сбьлся. **Вот не больно мне, а жалко — все-таки наши люди** (ульяновск.)¹⁶;

В нас у Валентіні, Коліной сестри, заболів чоловік. Робили йому в інституті Амосова операцію на серці. [...] То Андрію перед цим [приснилось] [...] Кажє: «Ма, шо воно значить, — кажє, — сниться мені сон, що вродє у мене всі зуби випали, і мені і не больно, і понімаю, що мов би вони виростуть ще, чи дєсь вони візьмуться, а **так неприятно**, що вони всі випали». Ні крові, нічого. [...] Кажу: «Це, наверное, шось поганє». І так воно ж то, все тихенько-тихенько, забула його вжє. А як ото заболів, я подумала: «Він живий жє, а **всьо равно неприятно**» (Пронька Екатерина Александровна, 1953 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2016 г.).

Эти рассказы еще раз демонстрируют, что ощущения и мысли, возникшие во сне, оказывают влияние на его интерпретацию: сновидец «понимает», что выпавшие зубы *виростуть ще, чи дєсь вони візьмуться* — что, возможно, связывается с тем, что человек не умер, а заболел. Неприятные эмоции, вызванные сном, тождественны эмоциям в реальной жизни: *Він живий жє, а всьо равно неприятно*.

Аналогичное толкование может иметь сюжет сна, в котором сновидец что-то теряет (а если точнее, безуспешно ищет, пытается вернуть потерянную вещь или, если обобщить, не может получить желаемого). Такие сны также можно назвать «тревожными»:

Очень плохо когда теряєш: обув не найдєш, дажє сумку теряєш. Я перед смертью дяді Вови все шукала свою сумочку. **Господі, всю ніч шукаю!** Думаю: «Чого ж я її шукаю?». А потом: «Ой, Господі!». **Воно ж до того іде, що я потеряю свою сумочку, не вірилось, не хотілось**. Терять — очень плохо (Ксенз Нина Ильинична, 1948 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2013 г.).

¹⁴ Лазарева А. А. Выпавший зуб... С. 90–93.

¹⁵ Якушкина Е. И. Народный сонник... С. 29.

¹⁶ Трушкина Н. Ю. Рассказы о снах... С. 146.

И он говорит: «Божже, мне снилось, что рыба, — рыбу он ловил там: что не мог никак поймать». Плохой сон, короче говоря. **Все время, он говорит, один и тот же.** Потом отец... они там все рыбаки, жили там же возле речки, вот... **Такой, говорит, пустой сон, я вот ловлю-ловлю...** Отец, да, так раз-раз и ушел (Собакарь Надежда Александровна, 1962 г. р., г. Миргород, высш. образ., зап. в г. Миргород, 2015 г.).

И хотя сны о нахождении чего-то ценного, нужного, наоборот, считаются благоприятными: *Находить* — *очень хорошо* (Ксенз Нина Ильинична, 1948 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2013, 2016 гг.); *Находишь что-нибудь* — *к хорошему* (Худолаева Валентина Ивановна, 1943 г. р., Чеченская республика, зап. в г. Миргород, 2013 г.), их толкование также может быть негативным, если найденная вещь не приносит сновидцу чувства радости и удовлетворения:

Соб.: А Вам снились сны о нахождении чего-то: каких-то драгоценностей, каких-то денег?

Людмила: *О, я помню! Вроде би, як я поллю клумбу, і починаю находить золото, причём багато, дуже.*

Надежда: *Это хороший сон!*

Людмила: *Такі прямо цепочки, такі прямо кольца, перстня такі, с такими камнями. И, шо інтересно, де я поллю оце, на Свідницького 5, я там вообще ніколи не була. Я знаю, шо там дом єсть такий. І вродє так дїтвори [нрзб] бігає. Кажу: «Діти, чий це драгоценності?». А вони: «Так я час у мами спитаю, і я час у мами спитаю». І вони всі прибігають, я так сапою вигортаю, вигортаю, а вони: «Та не, це не наше, і це не наше». Я помню, что я вигребла, **а що ж мені з ним делать?** Да, оце я помню. Оце дуже мені запомнився цей сон. Но мені потом (я так как би кажу: «**Шо це значить?**»), то мені сказали, що це погано.*

Соб.: А Вы сами как думаете?

Людмила: *Можє шо з землі золото? І вродє как його багато, і я не знала шо з ним робить. Ну, як би воно мені не в радість було. Я в недоуменї була: «Шо це значить, чи мені одить шось?».* Якби взяла, та оділа. А так: «**Божже! Скільки ж його! Шо ж мені з ним робить?**» (Манжос Людмила Михайловна, 1975 г. р., с. Шишаки (Хорольский р-н. Полтавской области), высш. образ.; Собакарь Надежда Александровна, 1962 г. р., г. Миргород, высш. образ., зап. в г. Миргород, 2015 г.).

В данном примере отсутствие ощущения радости во сне (и наоборот, чувство рас-терянности, недоумения) создает у сновидицы определенную установку: она обращает внимание на те аспекты сюжета, которые толкуются негативно — взаимодействие с землей (сновидица полет клумбу, что в народной культуре может ассоциироваться с копанием могилы), и игнорирует позитивные — «находить — к хорошему» (примечатель-телен комментарий другой собеседницы: «Это хороший сон»).

Рассмотрим еще один нарратив:

Отут єсть у нас переулк такий і раньше по тому переулку (сейчас же забори-забори-забори) а то була дика лоза. Отак оці ветки: одні в двір ростуть до людей, а другі — на вулицю. Мені сниться переулк той, літо, тихо-тихо, ранне утро. В том переулку нема нікого. І сидить на стульці мужчина там один. Сидить, а я (де я брала ті рози, я не знаю), знаю що я брала рози на таких длінних стеблях, ні шівпаків там, шось я не чувствовала нічого. Розцвівіші такі. І він сидить, а я йому отак ті рози беру

і даю. А відцїля отак сходе сонце і тихо-тихо, ну так хорошо на вулиці! То, конечно, хорошо. Ну дуже було хорошо. Ну, це було давно. Це був дуже весїий, хорошиий сон (Ксенз Нина Ильинична, 1948 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2013 г.).

Из рассказа мы понимаем, что сон был ярким, красивым, о чем говорит подробное описание окружающей обстановки — тихого летнего переулка в рассветные часы: *літо, тихо-тихо, ранне утро; сходе сонце; ну так хорошо на вулиці*. Сюжетные линии (рассказчица дарит розы мужчине) или какие-то конкретные образы (дикая лоза, восходящее солнце, розы) фактически, никак не интерпретируются. По-видимому, именно приятные впечатления, которые оставил этот сон (возможно, чувство умиротворенности, наслаждение окружающей красотой), определяют его толкование: *дуже було хорошо*.

На примере этих рассказов мы видим, что интерпретация во многом зависит от общих впечатлений от сновидения. Подобная идея была выражена еще Артемидором во 2 в. н. э.: «Когда сны предсказывают несчастье, но душа сновидца не испытывает тревоги, то несчастья окажутся незначительными или вовсе не сбудутся. И наоборот, когда сны предвещают счастье, но душа не испытывает довольства, то счастье окажется несбыточным, ненужным или во всяком случае неполным. Поэтому каждый раз надо спрашивать, с удовольствием видел человек сон или нет»¹⁷. Рассматривая нарративы о вещих снах, можно сделать вывод, что такое утверждение справедливо и для восточнославянской традиции толкования снов.

Однако в традиционной культуре существует и противоположный способ истолкования эмоций: «радость — к горю, а слезы — к радости». Рассмотрим запись интервью:

Если я чого-то смиялась, вси смиялись и я хохотала, то я потом горькими слезами [нрзб]. Чем больше радуешься во сне, хохочешь именно — то будет какая-то печаль.

Соб.: Это когда человек смеется?

Вот смеишься, прямо такой жизнерадостный, хохочешь прямо — обязательно какая-то [нрзб], но это со мной.

Соб.: А если просто радостный сон, но человек не смеется?

Нет, ну радостный, просто улыбаешься, идешь, все нормально, светло, хорошо — то нормально. А если я хохочу во сне — это точно плакать (Ксенз Нина Ильинична, 1948 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород, 2016 г.).

Из ответов информантки мы видим, что негативно интерпретируется избыточная, бурная радость (смех, хохот), которая понимается как отклонение от нормы и совпадает с традиционным представлением о том, что излишне радуясь, проявляя несдержанность, можно «сглазить», «навлечь беду». Можно добавить, что слишком эмоциональный сон, в том числе и радостный, также можно отнести к категории беспокойных, тревожных.

Рассмотрим другой нарратив:

Это, в основном, было, когда я училась. Позже, просто, я уже и в жизни меньше плакала, и, соответственно, во сне. Как бы, мне не снилось это. А вот когда я училась, особенно в школе, в старших классах. Я очень переживала по поводу экзаменов. Ужасно! И готовилась... Накануне экзаменов... Я помню, был экзамен по географии. Это был мой седьмой класс. Экзамен был, в общем, несложный, но надо было много запоминать. Я плохо ориентируюсь по карте. Всякие страны... И я накануне экзамена

¹⁷ Артемидор. Сонник. СПб., 1999. С. 34.

очень переживала. И вот мне снится, что я пришла на экзамен, захожу в аудиторию, тяну билет. Мне попадается тот вопрос, которого я больше всего боялась — про полезные ископаемые. Я ничего не знаю, ничего не могу сказать. Очевидно, это снилось, потому что я этого очень боялась и плохо знала, где какие полезные ископаемые находятся. Моя учительница меня спрашивает, я ничего не могу сказать. В результате мне ставят «два». И я плачу, прямо рыдаю. И даже просыпаюсь от того, что я плачу. Я не помню, в слезах я проснулась или нет, но я проснулась от расстройства во сне. Даже очень рано проснулась, еще темно было. Такая напряженность внутри была. Это было за день до экзамена. Я рассказала сон моей маме. Она меня успокоила и рассказала, что сны о слезах имеют значение противоположное. Если плачешь, значит все будет хорошо. Тогда я думала, что меня мама успокаивает. Но на следующий день я сдала экзамен на «пять». Мне попался легкий билет, никаких полезных ископаемых. И я этому радовалась, очень радовалась. И потом мне другие люди говорили, что если снятся слезы, то в реальности будет радость (Лисапova Наталья Ивановна, 1966 г. р., г. Миргород, высш. образ., зап. в г. Миргород, 2016 г.).

Анализируя данный рассказ, мы видим, что обратное толкование негативных эмоций может быть во многом обусловлено стремлением человека снять беспокойство, связанное с «тревожным» сном, желанием окружающих утешить и поддержать сновидца. Подобные интерпретации можно назвать окказиональными: например, если бы рассказчица плохо сдала экзамен, она могла бы сделать вывод, что сон предвещал именно такой поворот событий. Как и женщина, увидевшая сон о смерти своей тети, могла бы заключить, что он значил обратное (в соответствии с толкованием «видеть кого-либо умершим — к долгой жизни этого человека»), если бы никто из членов ее семьи не умер. Это говорит об амбивалентности и «пограничности» подобных сюжетов сна: с одной стороны, такой сон можно понимать как предчувствие (*проснулась от расстройства; очень рано; еще темно было; такая напряженность внутри была*) и интерпретировать буквально (сон о провале на экзамене — к провалу на экзамене; сон о смерти тети — к тому, что она умрет), с другой — «переворачивать» его значение (сон о провале на экзамене — к успешной сдаче экзамена, сон о смерти тети — к ее долгой жизни). Также стоит добавить, что при толковании последнего сюжета имела место и бытовая мотивировка: *Очевидно, это снилось, потому что я этого очень боялась*, то есть сновидица допускает, что сон был обусловлен дневными эмоциями, а значит, по сути, не был вещим.

Несмотря на то, что эмоциональное сновидение может допускать противоположные варианты интерпретации (на основе принципа тождества и обратного толкования), нарративы, в которых значение эмоций «переворачивается», имеют определенные особенности. Обратимся к записям «устного сонника»:

Если ты веселишься и поешь, и танцуешь [во сне] — это очень нехорошо (Ксенз Нина Ильинична, 1948 г. р., г. Миргород, средне-спец. образ., зап. в г. Миргород 2015 г.); ср. с полесскими записями: *Як смыецца, рада — будыш плакаты; Если плачешь — рада будэ, смэтыцца будэ; Высыляя, як спывайшш — плохо; Як спывайшш обо танцуйшш — то нядобрэ; Ву снi танцюйшш — то плач*¹⁸, ср. с белорусскими записями: *Петь во сне — плакать придется. Напоешься — наплачешься; Скакать во сне — нягодна;*

¹⁸ Гура А. В. Снотолковательная традиция... С. 77.

Смеяться — будешь плакать, або люди абсмяють (Минская губерния)¹⁹; **Плакать** во сне — радоваться будешь; **Петь** во сне — кауць, плакать будешь; **Смеяться** во сне — поплачешь (Могилевская, Витебская губернии)²⁰.

Как мы видим, анализируя отвлеченные правила толкования сна, «переворачивание» значения характерно для интерпретации действий, связанных с выражением эмоций: плакать, смеяться, петь, танцевать, скакать. Такая формулировка отсылает нас в большей степени к самому сюжету сна, чем к эмоциям, которые он вызывает, поскольку пение, танцы и смех не всегда связаны с чувством радости. Рассмотрим нарратив, записанный в Архангельской области:

*Перед тем, как мужу утонуть, значит, как раз с четверга на пятницу, мне приснился сон, мы тогда в столовой работали... вот вроде бы я вышла на улицу, у нас на ту сторону реки была помойка, мы выносили отходы туда, я вроде бы с ведром вышла туда, вынесла, и вдруг кругом меня много-много мужчин. Молодых мужчин, парней. И главное, все в белых рубашках, руки черные, белые рубашки [см. символику черного и белого цвета в сновидениях²¹], все кругом меня. И вот так меня задевают, вот так, заигрывают, трогают меня, задевают... А я вроде бы так **хохочу**, говорю — они как бы шутят, стараются меня обнять — я **смеюсь**, говорю: «Да отстаньте вы, отстаньте вы от меня, у меня ведь муж есть!». Вот. А в понедельник он и утонул. И я потом уже рассказала одной женщине, что такой сон приснился, она говорит: «Ну, мужики снились — это мужаться надо» (Зап. от Зенченко Антонины Михайловны, д. Усть-Поча, 1955 г. р.) [АКФ МГУ, Лето 2015 г. Архангельская область, Плесецкий р-н, Соб. Панкова Елизавета Максимовна, Тетрадь № 2, № 38].*

Нам неизвестно, знала ли рассказчица толкование «смех — к слезам», поскольку она интерпретирует свой сон отталкиваясь от образа мужчин (*все в белых рубашках, руки черные; мужики снились — это мужаться надо*), которые задевают, заигрывают, шутят, трогают, стараются обнять, как будто у нее нет мужа («*Да отстаньте вы, отстаньте вы от меня, у меня ведь муж есть!*»). Но все же данный сюжет показателен. Мы видим, что, несмотря на то, что женщина смеется во сне (*я смеюсь; вроде бы так хохочу*), этот сон не был приятным для нее, чувства радости она в нем не испытывала, что показывает четкое различие между ощущением радости и выражением радости во сне.

То, что для интерпретатора в данном случае важнее действие, связанное с выражением эмоции (слезы, смех, пение, танец), чем ощущение эмоции, подтверждает наличие нарративов о снах, в которых смеющимся, радующимся, танцующим предстает не сам сновидец, а другой человек, чье горе предвещал сон:

Вообще говорят, что если приснится плохое, значит это к хорошему: наоборот сны переворачиваются. Нашим соседям приснился сон: моя сестра в свадебном платье, вот они [сестра с мужем] разбились, вся семья погибла.

Соб.: Соседям приснилось?

Да, за мою сестру. Им приснилось, что она в свадебном платье, танцевала. Вроде бы радостный такой сон. А они сразу вот, говорят, к плохому снится. Вот сразу,

¹⁹ Ляцкий Е. Материалы... С. 144–145.

²⁰ Романов Е. Р. Опыт белорусского... С. 62–63.

²¹ Лазарева А. А. Белый конь и черный мустанг: образ лошади в рассказах о вещих снах // Традиционная культура. 2016. № 4 (64). С. 167.

буквально дня три, и разбились (Красноярова Юлия Владимировна, ок. 25 лет, зап. в г. Миргород, 2013 г.).

В этом рассказе на первом плане лежит другое известное толкование: «свадьба — к похоронам», но для нас сейчас важно то, что сестра информантки снилась танцующей.

*Там у своей сестры она была. Легла на печку погреться-то. Зимой было дело. И уснула. Говорит: «Снится мне сон». А она у сестры была в масленицу в гостях. Они там выпили пьянушку, ну, она тут же легла. А у ей муж был, у сестре, вот. И снится ей сон, что **сестра так песни поет!** Говорит: «Думаю — господи, она ж так никогда не умела песни петь, как она поет». Обоснулася. «Нет, — думает, — не она мне... Схожу я к ней». Приходит — а мужик умирает. **Она не песни поет, она кричит голосом, кричит криком.** У его заворот кишок получился, вот. И ей сон сбывается²².*

На примере данного рассказа мы видим, что пение может выступать как метафора рыдания, крика, причитания (*Она не песни поет, она кричит голосом, кричит криком*). То же самое можно сказать и про «смех — к слезам» и «слезы — к радости» — такая интерпретация может быть связана не только с принципом обратного толкования, смех и слезы могут выступать как синонимы, поскольку сильный смех, «смех до слез», и рыдание могут выражаться внешне похожим образом. См. толкование:

*Всякий плач и горе во сне разрешается радостью наяву. **Слезный плач приносит слезную радость** [...] И наоборот: радость и смех сновидца влекут горе и скорбь наяву (витебск. обл.)²³.*

Сравнивая рассказы о вещих снах, в которых эмоции интерпретировались буквально (неприятный сон — к неприятностям в жизни, стыдно во сне — к позору в жизни и т. д.), с нарративами, где значение эмоции «переворачивалось» (смех — к слезам, плач — к радости), я выявила ряд особенностей каждой из этих групп. В первом случае интерпретатор ориентируется на общие впечатления от сновидения, оценивая сон как «приятный» или «неприятный». Описание испытанных эмоций (в особенности позитивных) легко опускается при пересказе сюжета сна, как бы оставаясь «за кадром». Во втором случае речь идет об узком круге конкретных действий (плач, смех, танец, пение), направленных на выражение эмоций, являющихся частью сюжета сна, его центральным мотивом. Они могут как сопровождаться ощущением эмоций (в этом случае эмоции более интенсивны, чем в рассказах о «приятных» и «неприятных» снах: неистовая радость или сильное расстройство, сопровождаемое рыданиями), так и не сопровождаться (например, смех, танцы, пение необязательно указывают на чувство радости).

Несмотря на то, что грань между этими двумя группами текстов может быть размыта, интерпретацию действий, выражающих радость и грусть, все же можно назвать частным случаем, входящим в свод правил «устного сонника». Сюжет сна о выражении чувств (смех, плач) является вполне конкретным (сопоставимым с толкованиями единичных образов и сюжетов, таких как, например, «выпавший зуб — к смерти»), а его интерпретация обусловлена не только принципом обратного толкования, но и метафорой (смех до слез — к слезам, пение — крик, причитание), а также культурными

²² Лурье М. Л., Черешня А. В. Крестьянские рассказы... С. 287, № 43.

²³ Никифоровский Н. Я. Материалы... С. 136.

представлениями о негативных последствиях бурной радости. Несмотря на то, что такой вариант интерпретации чаще фиксировался фольклористами, изучавшими «народный сонник», подобные нарративы встречаются довольно редко. Приписывание же сюжету сна определенного значения на основе вызванных им впечатлений и чувств (например, тревоги, стыда, растерянности), наоборот, достаточно типичное явление. Хотя упоминание об эмоциях может опускаться при пересказе сюжета сна, это не значит, что они не влияют на его интерпретацию. Испытанные во сне неприятные чувства акцентируют внимание сновидца на «негативных» образах и аспектах сюжета (препятствиях, потерях), вызвавших эти эмоции. Таким образом, ощущения, эмоциональные впечатления от сна становятся стержнем, вокруг которого структурируется и пересказ сюжета сновидения, и его понимание.

На мой взгляд, интерпретацию сна, основанную на связанных с ним эмоциях, можно выделить как еще один принцип толкования сновидений. Этот принцип, возможно, будет соотноситься с принципом оценки, который С. Небжеговска поставила во главу угла для «устного сонника»²⁴. При этом в «устном соннике» как хороший или плохой оценивается отдельный образ-символ, а в нарративе о вещем сне образ может быть значим не сам по себе, а в рамках развернутого сюжета — «приятного» или «неприятного» для сновидца.

Данные о статье

Автор: Лазарева, Анна Андреевна — аспирант, Центр типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, anna-kadabra@mail.ru

Заголовок: Эмоции как объект толкования в славянских народных рассказах о вещих снах

Резюме: Работа посвящена изучению народной традиции толкования снов у восточных славян. Эмоции, возникающие у человека во время сна, являются одним из объектов интерпретации (см., например, толкование «радость — к горю», «слезы — к радости»). Однако исследователи «народного сонника» (Н. И. Толстой, С. Небжеговска и др.) не рассматривали подробно проблему толкования эмоций сновидца, занимаясь визуальными образами сновидений и их символикой. На примере нарративов о вещих снах, записанных в Полтавской области (г. Миргород, с. Любвищина, с. Зубовка), в статье изучаются механизмы толкования эмоциональных снов. Эти рассказы можно разделить на две группы: 1) нарративы, в которых испытанные во сне чувства предвещают противоположные эмоции в дневной жизни (радость — к слезам, слезы — к радости); 2) нарративы, в которых эмоции получают буквальное толкование (например, «неприятные чувства во сне — к чему-то неприятному в жизни» или более конкретно: «чувство стыда во сне предвещает позор, чувство утраты — смерть кого-то из близких»). Сравнивая обе группы рассказов, можно сделать вывод, что в первом случае интерпретируются не столько эмоции, сколько действия, направленные на их выражение: плач, смех, танцы, пение. Сновидец может и не ощущать соответствующих этим действиям эмоций (в особенности это касается снов о выражении радости), либо видеть кого-то другого смеющимся, танцующим, поющим (в этом случае сон истолковывается по той же модели, только прогноз сна будет не для сновидца, а для человека, которого он видел во сне). Буквальное толкование испытанных во сне эмоций связано с понятием «тревожных снов». Сны, вызывающие неприятные эмоции (тревогу, растерянность, страх, неудовлетворенность, отвращение), интерпретировались опрошенными как «плохие», даже если сюжет сна предвещал «что-то хорошее» согласно «устному соннику» и мнению других собеседников (во время группового интервью). Испытанные во сне неприятные чувства создают у людей установку на негативное истолкование сна, в результате чего сновидец склонен обращать внимание на «нехорошие», с точки зрения «сонника», образы сна и игнорировать благоприятные знаки.

Ключевые слова: восточные славяне, народная культура, символика сновидений, устный сонник, личные приметы, повторяющиеся сны, эмоции

²⁴ Небжеговска С. Сонник... С. 70.

Литература, использованная в статье

- Артемидор. Сонник. Санкт-Петербург: Кристалл, 1999. 448 с.
- Гура, Александр Викторович. Снотолковательная традиция полесского села Речица // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. Москва: РГГУ, 2002. С. 70–93.
- Гура, Александр Викторович. Сонник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. Москва: Международные отношения, 2012. С. 122–125.
- Лазарева, Анна Андреевна. Белый конь и черный мустанг: образ лошади в рассказах о вещих снах // Традиционная культура. 2016. №4 (64). С. 159–171.
- Лазарева, Анна Андреевна. Выпавший зуб, упавший потолок и другие онирические сюжеты в рамках традиционных моделей толкования сновидений // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 89–103.
- Лурье, Михаил Лазаревич; Черешня, Адель Валерьевна. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ / Ред.-сост. М. Л. Лурье. Санкт-Петербург, 2000. С. 275–310.
- Лурье, Михаил Лазаревич. Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. Москва: РГГУ, 2002. С. 26–43.
- Ляцкий, Евгений Александрович. Материалы для народного снотолкователя (Минской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 139–149.
- Небжеговска, Станислава. Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение. 1994. № 5. С. 67–74.
- Неклюдов, Сергей Юрьевич; Христофорова, Ольга Борисовна. Предисловие // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. Москва: РГГУ, 2002. С. 5–8.
- Никифоровский, Николай Яковлевич. Материалы для народного снотолкователя. (Витебской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 133–139.
- Романов, Евдоким Романович. Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 54–72.
- Толстой, Никита Ильич. Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон — семиотическое окно: сновидение и событие, сновидение и искусство, сновидение и текст. Москва: Издательство Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, 1993. С. 80–93.
- Трушкина, Наталия Юрьевна. Рассказы о снах // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. Москва: РГГУ, 2002. С. 143–170.
- Фрейд, Зигмунд. Толкование сновидений. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. 508 с.
- Якушкина, Екатерина Ивановна. Народный сонник из Каргополя // Живая старина. 1999. № 2. С. 29–30.

Information about the article

Author: Lazareva, Anna Andreevna — graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, anna-kadabra@mail.ru

Title: Emotions as an object of interpretation in the Slavic prophetic dream narratives

Summary: The article is devoted to the folk tradition of dream interpretation in the eastern Slavic culture. Emotions, appearing during dreaming, are one of the objects of interpretation, for example «happiness in dream means misfortune», or «be crying in the dream predicts happiness». Such researchers, as N. I. Tolstoy, S. Niebzegowska and others, who studied oral dream book, paid no particular attention to the interpretation of emotions, because their main interest was about symbolic of visual images of dreams. Drawing on fieldwork conducted in the Poltava region, the author examines traditional patterns of interpretation emotional-laden dreams. These narratives can be divided into two groups: 1) the dream tales in which feelings meant opposite: «happiness in dream means misfortune», «be crying in the dream predicts happiness», 2) the narratives in which emotions were interpreted literally (unpleasant feelings meant unpleasant events in life, for example — the sense of shame in a dream predicted dishonor). Comparing these two groups we can make a conclusion, that the first case is not exclusively about emotion themselves: in the first place were interpreted the actions aimed at the expression of emotions (laugh, crying, dancing and so on). The dreams, which were interpreted literally, had been related to the notion of disturbing dreams. The dreams causing unpleasant emotions (anxiety, perplexity, fear, dissatisfaction, aversion) were interpreted by the respondents as a «bad dreams», even though the dream plot predicted something favorable according to the oral dream book and opinions of other interlocutors (during the group interview). The negative emotions experienced in the dream influence

on its interpretation, because a dreamer tends to pay attention on the «negative» images (from the traditional point of view) and ignore «auspicious» signs.

Keywords: Eastern Slavs, folk culture, symbolism of dreams, oral dream book, personal signs, recurring dreams, emotions

References

- Artemidorus. *Sonnik [The Interpretation of Dreams]*. St. Petersburg: «Kristall» Publ., 1999. 448 p. (in Russian).
- Freud, Sigmund. *Tolkovanie snovideniy [The Interpretation of Dreams]*. St. Petersburg: «Azbuka-klassika» Publ., 2004. 508 p. (in Russian).
- Gura, Aleksandr Viktorovich. Snotolkovatel'naya traditsiya polesskogo sela Rechitsa [The tradition of dream interpretation in the village Rechitsa of Polesie region], in Khristoforova, Ol'ga Borisovna (ed.). *Sny i videniya v narodnoy kul'ture*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2002. P. 70–93 (in Russian).
- Gura, Aleksandr Viktorovich. *Sonnik [The dream book]*, in Tolstoy, Nikita Il'ich (ed.). *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya» Publ., 2012. Vol. 5. P. 122–125 (in Russian).
- Lazareva, Anna Andreevna. Belyi kon' i chernyi mustang: obraz loshadi v rasskazakh o veshchikh snakh [White Horse and Black Mustang: a Horse Image in Narratives about Prophetic Dream], in *Traditsionnaja kul'tura*. 2016. No. 4 (64). P. 159–171 (in Russian).
- Lazareva, Anna Andreevna. Vypavshiy zub, upavshiy potolok i drugie oniricheskie syuzhety v ramkakh traditsionnykh modeley tolkovaniya snovideniy [The Falling Tooth, Tumbling Ceiling, and Other Oneiric Plots in the Light of Traditional Patterns of Dream Interpretation], in *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. No. 1. P. 89–103 (in Russian).
- Lurye, Mikhail Lazarevich; Chereshnya, Adel' Valeryevna. Krestyanskie rasskazy o sbyvayushchikhsya snakh [The peasants prophetic dream narratives], in Lurye, Mikhail Lazarevich (ed.). *Traditsiya v fol'klоре i literature: statyi, publikatsii, metodicheskie razrabotki prepodavateley i uchenikov Akademicheskoy gimnazii SPbGU*. St. Petersburg, 2000. P. 275–310 (in Russian).
- Lurye, Mikhail Lazarevich. Veshchie sny i ikh tolkovanie (Na materiale sovremennoy russkoy krest'yanskoj traditsii) [Prophetic dreams and their interpretation], in Khristoforova, Ol'ga Borisovna (ed.). *Sny i videniya v narodnoy kul'ture*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2002. P. 26–43 (in Russian).
- Lyatskiy, Evgeniy Aleksandrovich. Materialy dlya narodnogo snotolkovatelya (Minskoy gubernii) [The records for the traditional dream book (from Minsk region)], in *Etnograficheskoe obozrenie*. 1898. No. 1. P. 139–149 (in Russian).
- Niebzegovska, Stanislava. *Sonnik kak zhanr pol'skogo fol'klora [The dream book as a genre of polish folklore]*, in *Slavyanovedenie*. 1994. No. 5. P. 67–74 (in Russian).
- Neklyudov, Sergey Yur'evich; Khristoforova, Ol'ga Borisovna. Predislovie [Preface], in Khristoforova, Ol'ga Borisovna (ed.). *Sny i videniya v narodnoy kul'ture*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2002. P. 5–8 (in Russian).
- Nikiforovskiy, Nikolay Yakovlevich. Materialy dlya narodnogo snotolkovatelya. (Vitebskoy gubernii) [The records for the traditional dream book (from Vitebsk region)], in *Etnograficheskoe obozrenie*. 1898. No. 1. P. 133–139 (in Russian).
- Romanov, Evdokim Romanovich. Opyt belorusskogo narodnogo snotolkovatelya [The Belorussian traditional dream interpretations], in *Etnograficheskoe obozrenie*. 1889. No. 3. P. 54–72 (in Russian).
- Tolstoy, Nikita Ilyich. Slavyanskije narodnye tolkovaniya snov i ikh mifologicheskaya osnova [The Slavic traditional dream interpretations and their mifological basis], in *Son — semioticheskoe okno: snovidenie i sobytie, snovidenie i iskusstvo, snovidenie i tekst*. Moscow: The Pushkin State Museum of Fine Arts Publ., 1993. P. 80–93 (in Russian).
- Trushkina, Nataliya Yuryevna. Rasskazy o snakh [The dream narratives], in Khristoforova, Ol'ga Borisovna (ed.). *Sny i videniya v narodnoy kul'ture*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2002. P. 143–170 (in Russian).
- Yakushkina, Ekaterina Ivanovna. Narodnyy sonnink iz Kargopolya [The oral dream book from Kargopol' region], in *Zhivaya starina*. 1999. No. 2. P. 29–30 (in Russian).